

Марина Ветрова

РАЗВОД
с ПРЕДАТЕЛЕМ.
ГОРЬКО,
КОТОРЫЙ ВЫБРАЛ МЕНЯ

Марина Ветрова

**Развод с предателем. Горец,
который выбрал меня**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Развод с предателем. Горец, который выбрал меня / М. Ветрова —
«Автор», 2026

Семь лет я строила ресторанный бизнес вместе с мужем. А однажды он объявил перед инвесторами, что я всего лишь наёмная кондитерша. Потом забрал мою долю, рецепты покойного отца и выставил из дома. А любовница заняла моё место. Я осталась без денег, работы и даже права на собственное имя. Но мою пахлаву помнил человек, которого боялся сам бывший муж. Магомед Газиев. Влиятельный, опасный хозяин горных отелей. Он предложил мне новую жизнь, работу и защиту. Только вскоре выяснилось: я нужна ему для мести. Теперь мне предстоит победить двух властных мужчин и понять, способен ли один из них любить по-настоящему, без условий.

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Марина Ветрова

Развод с предателем. Горец, который выбрал меня

Развод с предателем. Горец, который выбрал меня

Марина Ветрова

Глава 1

За кулисами я поправляла лямку фартука и никак не могла её устроить: стоило опустить руку, ткань опять тянула плечо. Этот фартук я вышила семь лет назад, к открытию нашей первой чайной. Сейчас вышивка выцвела, а на кармане остался след от шоколада, который не взял даже отбеливатель. Можно было надеть новый. Мне хотелось выйти в этом.

Из зала доносились смех и звон посуды; тесто пахло сильнее духов, и я с облегчением узнавала свою выпечку. Полгода я жила ради сегодняшнего вечера. Спорила о муке, проверяла масло, переделывала десерты. Блокнот прижимала к животу, хотя речь давно знала наизусть. Сейчас меня представят, я выйду и расскажу, что мы сделали. Наконец не придётся говорить об этом только на кухне.

— Ляна, ты готова? Тимур заглянул за кулисы. С той улыбкой, с которой подходил к недовольным гостям: ещё ничего не сказал, а тебя уже уговаривают согласиться. — Да. Я хочу рассказать о концепции зала. О том, как мы сохранили дух старой чайной, но дали ей новую жизнь. Он положил руку мне на плечо. Я собиралась пройти к выходу, но его пальцы удержали меня на месте на лишнюю секунду. — Иди, звезда. Ты же знаешь, они ждут именно тебя. Я высвободилась, поправила лямку ещё раз. Зачем задержал? Видимо, тоже волнуется.

Свет мешал разглядеть гостей. Пришлось остановиться у микрофона, пока глаза привыкали. В первом ряду обнаружили лица инвесторов и знакомые телефоны блогеров — они снимали даже то, как я берусь за микрофон. Я обхватила его крепче. Только бы не заговорить слишком быстро: когда я радуюсь, за мной не угнаться. — Добрый вечер, друзья. Меня зовут Ляна Озерова, и я...

Тимур перехватил мою ладонь и забрал микрофон, будто я сама передавала ему слово. Пальцы остались согнутыми, пока он поворачивался к залу. Хотела спросить, что он делает; он поднял палец прямо у моего лица. — Друзья! Вы слышите её? Она так скромна, что даже пытается представить себя хозяйкой. Но давайте будем честны. Этот проект — моя мечта, мой бизнес, моё имя. А вот она... — он указал на меня свободной рукой, — она просто лучший наёмный кондитер, которого я смог найти на этом рынке. Талантливая девочка, которая знает, как замесить тесто. Верно, Ляна?

Я ждала, что он сейчас рассмеётся и отдаст микрофон. Скажет: «Ну, хватит разыгрывать, расскажи им». Даже губы растянула — успела. А Тимур смотрел в зал и ждал ответа на своё «верно». От меня требовалось подтвердить, что он меня нанял.

За плечом была стена. Я отступила к ней, задев локтем блокнот. Про наёмного кондитера ведь говорили при людях, которым я сама показывала первые эскизы меню. Они видели меня ещё до ремонта, в пустом зале. Кто-нибудь помнит?

Кто-то захлопал, за ним остальные. Из первого ряда мне бросили быстрый взгляд и тут же отвели глаза. Так удобнее: на сцене хозяин ресторана, рядом его сотрудница, вечер продолжается. Возрази я сейчас — меня же объявят виноватой в скандале. Я осталась у стены, слишком хорошо понимая, что сама помогаю ему закончить эту ложь.

Тимур поднял бокал, и я увидела за его рукой Жанну. Она стояла у боковой стойки среди инвесторов. Белый фартук — точно такой, какой когда-то носила я, только без следов работы. Она заметила, куда я смотрю, и поправила лямку.

Хуже всего было выражение её лица. Она чуть наклонила голову, словно я сама попала в неприятность, а она ничем не могла помочь. Хотя бы ухмыльнулась. Хотя бы дала мне повод сказать вслух то, что творилось у меня внутри. Вместо этого Жанна сочувствовала. В моём фартуке, на открытии моего зала. Я поймала себя на том, что сминаю край блокнота, и разжала пальцы: бумага-то ни при чём.

Когда ушли гости, я всё ещё была там. Уборщица собирала посуду, а Тимур за барной стойкой пересчитывал оставленные купюры. Пиджак так и не снял, только расстегнул ворот. Я подошла к нему, дождалась, пока он закончит очередную стопку. — Зачем? — Что зачем? — он даже не поднял головы. — Почему ты называл меня наёмницей? Перед всеми. Перед теми, кто знает правду. Он посмотрел на меня, как будто я заговорила о неправильно выставленном счёте. — Так выгоднее для имиджа бренда, Ляна. Ты же не хочешь, чтобы думали, что ресторан держится на одной бабе. Мужское лицо в проекте вызывает больше доверия у крупных сетей. А ты... ты слишком эмоциональна. Тебя сложно контролировать в публичном поле. Кондитер же проще. Уволил — и нет проблемы.

Значит, не оговорился. И не разозлился на меня за что-нибудь. Рассчитал заранее, кому выгоднее принадлежать нашему ресторану, а мне оставил роль, из которой легко убрать. Он уже снова занялся деньгами; по его виду, мы всё обсудили.

Я смотрела на купюры и представляла, как сметаю их со стойки. Он бы только этого и ждал: эмоциональная баба, вот доказательство. Пришлось сжать руки за спиной. До выхода я дошла, не поворачиваясь к нему. Если бы он окликнул, не знаю, что я ответила бы.

Дома я не включала свет, пока не споткнулась о ножку кухонного стола. На столе лежала папка. Тимур обычно убирал документы сразу; эту оставил раскрытой, словно для меня.

Договор о разделе имущества. Заявление на развод — дата прошлой недели. И бухгалтерские выписки: фирма, которую мы основали семь лет назад, теперь принадлежала одному Тимуру. В пояснениях к прошлогодней реорганизации это называлось «исправлением технической ошибки».

Я проверила фамилии второй раз. Потом третий. Семь лет я говорила «наша чайная», а он даже на бумаге сделал её своей. Сегодня просто сообщил гостям то, что приготовил для меня раньше. Села, не сняв пальто; в этой папке было слишком много знакомых подписей.

Отложив папку, я набрала Тимура. Мне хотелось услышать от него хотя бы одну фразу без зрителей: как он вообще собирается это объяснять? Ответила запись о недоступном абоненте. Повторный вызов ничего не изменил.

У Ильи телефон работал. Наш юрист три года проверял договоры; он найдёт ошибку, которую я не вижу. Я начала говорить ещё до приветствия: — Илья, это Ляна. Срочно нужна помощь. Тимур подал на развод, вывел долю... — Ляна, документы подписаны тобой год назад в рамках реорганизации. Ты сама согласилась на схему «для оптимизации налогов». Юридически всё чисто. Доля принадлежит ООО «Валеев Групп», учредителем которого является Тимур. Ты числишься сотрудником. Он не просил прислать папку. Уже знал, что в ней. — Но я вложила душу! Я создала этот бренд! — Бренд принадлежит компании, Ляна. А компания принадлежит Тимуру. Прости.

Положила телефон на договор и долго сидела так. Вспоминала тот день: Тимур торопил, у меня на кухне что-то не успевало, Илья говорил, что это обычная реорганизация. Я подписывала там, где мне указывали. Как же легко им было со мной.

Сейчас я пыталась прочесть всё, от заголовка до последней строчки. Даже понятные слова давались плохо. Особенно моё имя: я сама подтверждала, что согласна. Доверяла мужу, которого любила, и не понимала, что для него это удобнее любой доверенности.

К утру в ванной стало светло без лампы. Я подняла голову к зеркалу и испугалась чёрных полос под глазами. Ночью плакала, потом забыла об этом; сидела над папкой, пока буквы не начали двоиться. Волосы прилипли к вискам. Хотелось снова лечь и ждать, что кто-нибудь разберётся вместо меня.

Холодной водой я умылась со второго раза — сначала не смогла подставить лицо. Тёрла щёки, пока полотенце не осталось чистым. В зеркале появилась хотя бы женщина, которой можно выйти из дома, а не только жена, ждущая, когда её муж ответит на звонок.

Я представила, как вернусь и попрошу оставить меня на кухне. Он посадит напротив, объяснит правила. Ещё заставит поблагодарить за то, что не бросил без работы. От этой мысли меня опять затошнило.

Плакать я, наверное, ещё буду. Только приходиться с этими слезами к нему не стану. Повесила полотенце, посмотрела себе в лицо: — Война только началась. Сказать получилось тише, чем хотелось. Но получилось.

Глава 2

В гостиной стояли коробки с моими вещами. Ночью, пока я сидела в спальне над документами, Тимур прислал людей их упаковать. Я слышала шаги и шелест скотча, но не вышла. Утром это молчание казалось почти согласием.

В последней коробке вперемишку лежали книги, одежда и косметика. Сверху — мой блокнот. Люди упаковали даже его, не разобравшись, что я держала его на презентации и принесла домой сама. Оставь я всё как есть, он достался бы Тимуру вместе с остальным.

Я раскрыла блокнот на привычном месте. Страницы по краям размягчились от рук, на некоторых рецептах поверх старых цифр стояли новые. Тимур любил спрашивать, зачем столько исправлений: рецепт ведь уже есть. А я ещё пробовала, меняла время, ждала другую муку. Выпечка никогда не получалась сама от списка ингредиентов.

Это он может забрать помещение и поставить там другую женщину. Но пока я умею делать своё тесто, придётся начинать со мной всё заново — или без меня. Блокнот я в коробку не вернула.

Открыла дверь, и из подъезда потянуло сыростью и сигаретами. Ещё одну коробку выставили на порог, чтобы не мешалась в прихожей. Среди вещей нашлась сумка с документами, кошельком и сменой одежды. За остальным вернусь с человеком, при котором Тимур не посмеет устроить спектакль.

В сумке пришлось освободить место для блокнота. Я подумала, что у меня с собой на выход: паспорт, деньги, бельё, рецепты. Неплохо для женщины, которую только что оставили без всего. С этой глупой мыслью оказалось легче шагнуть на лестницу.

Замок щёлкнул за спиной. Я ещё стояла, ожидая, что из квартиры кто-нибудь выйдет, хотя прекрасно знала: там никого нет. Потом начала спускаться.

Жаннина жалость не уходила из головы. Я даже на лестнице поправляла фартук, как она, пока не заметила, что делаю. Сняла его, свернула и убрала в сумку. Сегодня мне больше незачем ходить в форме перед людьми, которые считают, что могут переодеть меня на своё усмотрение.

Мобильный завибрировал в кармане. Номер не определялся. Сначала я хотела ответить — вдруг Тимур, вдруг всё-таки нашёл, что сказать. Потом вспомнила его палец перед моим лицом, и телефон отправился в сумку.

У меня всё ещё получалась пахлава. Та, которую я пекла семь лет назад в горах. От этого умения сейчас не оплатишь аренду, но его хотя бы не вычеркнут из выписки. Должны же остаться люди, которым важнее попробовать, чем послушать Тимура.

Во дворе было неожиданно тепло. Я остановилась: до сих пор шла, лишь бы подальше от двери, а теперь требовалось решить куда. Москва большая, в ней едят каждый день. Кто-нибудь согласится иметь дело со мной, а не с моей семейной историей.

Мне придётся этого человека найти. Прийти без Тимура, показать десерт, назвать цену. Я ещё ни разу не вела такие переговоры одна. От мысли о них пересохло во рту, но возвращаться в квартиру хотелось меньше.

На лавочке я достала блокнот и открыла чистую страницу. План мести туда не помещался, да и я пока не знала, с какой стороны к нему подступиться. Меню написать могла.

Начала с пахлавы. Рядом оставила место для цены. Потом ещё два десерта — те, за которыми гости возвращались. Это были мои строки, и никто не забирал у меня ручку. Я дописала своё имя вверху страницы. Пусть сначала оно появится здесь.

В съёмной комнате я сначала не поняла, почему не слышно кухни. Дома Тимур по утрам гремел посудой, звал меня то за кофе, то просто посмотреть в окно. Потом я открыла глаза: чужая тумбочка, моя сумка на полу. Всё вчерашнее осталось на месте.

Телефон лежал экраном вниз. Я перевернула его, как будто ночью могли прийти хорошие новости, проверила уведомления. Пусто. Даже это приходилось делать самой — давать себе повод встать.

За окном серел рассвет. Потянувшись к воде на тумбочке, я задела шарф, который вытащила из сумки на ночь. От него пахло жасмином и мускусом. Жаннины духи я узнавала слишком хорошо.

Пока я сидела над документами, кто-то трогал мои вещи. Или ещё раньше. Этого я уже не выясню. Шарф отправился в пакет; я завязывала его с такой силой, что пальцы заболели. Пусть здесь будет хоть казённый запах стирального порошка. Её запах я в свою комнату не пушу.

Первой я позвонила Марине. Корпоратив в банке «Альфа» мы обслуживали три года, и заказ на декабрь уже обсуждали. Марина знала мои торты лучше некоторых родственников. Я набрала её с готовой фразой про меню — нельзя же начать разговор со своего развода. — Алло? — Привет, Марина. Это Ляна. По поводу заказа на декабрь... На том конце шумел офис. Она кого-то попросила подождать, а мне не отвечала. — Ляна, ну... Тимур сказал, у вас сейчас конфликт интересов. Юридические вопросы, всё такое. Мы боимся скандалов. Знаешь ли, репутация. — Марина, я шеф-кондитер. Мои руки не имеют отношения к нашим разводам. Ты пробовала мои торты. Они лучшие. — Да, но... нам проще работать с командой Валеева. Извини, Ляна. Просто бизнес есть бизнес. Она отключилась, прежде чем я успела предложить хотя бы пробную партию.

На общей кухне я села на пол у холодильника. Надо было набрать следующего клиента, и я листала контакты, не нажимая ни на один. Тимур добрался до Марины раньше меня. До кого ещё? Теперь каждый знакомый номер казался чужим.

К маме я поехала с последней надеждой на простой ответ. Мне нужна была не жалость, а деньги на первый месяц аренды. Небольшая кухня, несколько заказов — дальше вытяну сама.

У мамы пахло борщом и валерьянкой. Она перебирала старые открытки в кресле, но, увидев меня, положила их на колени. После известия о моём уходе она словно постарела; мне опять захотелось объяснять помягче, чтобы не расстроить её ещё сильнее. — Мам, мне нужны деньги. Хотя бы на первый месяц аренды маленькой студии. Чтобы начать заново. Без Тимура. — Ляна, детка... Зачем тебе эта борьба? Он же твой муж был. Он лучше знает, как вести дела. Вернись. Попроси прощения. Скажи, что ошиблась. Он даст тебе работу. Кухня та же, коллектив тот же. — Мам, он меня опозорил. При всех. Назвал наёмной работницей. Украл мою долю. Она подняла ладонь, словно я слишком громко говорила. — Ну, мужчины такие бывают. Гордые. Прости его. Ради бизнеса. Ради спокойствия. Не делай из себя жертву, Ляна. Жертвы никому не нужны.

Я прикусила губу. Мы обсуждали деньги, а меня уже отправили просить прощения. За что — мама так и не сказала. Она ведь видела, сколько я работала; спрашивала по телефону, поела ли я, когда до утра оставалась на кухне. Теперь всё это вдруг стало Тимуровым умением

вести дела. — Мне нужно идти. Мама вздохнула и потянулась за открытками. Я постояла ещё немного. Она не остановила.

В супермаркете я считала не торты, а яйца. Сколько можно взять, сколько оставить денег на жильё. Мука, сливки, яйца — раньше я заказывала коробками, теперь прикидывала стоимость маленькой корзины.

У специй оказалась Ольга. Вместе учились, вместе ездили на стажировку в Италию; я ей привозила шафран, а она уверяла, что вернёт деньгами, когда разбогатеет. Сейчас она выбирала как раз шафран. Увидела меня и тут же протянула руку к корице. — Оля! Она покатила тележку к кассам, будто не услышала. Я ещё раз вдохнула для оклика и передумала. Бежать за ней с моей корзиной — чтобы что? Чтобы ей пришлось смотреть на меня? Я вернула одну упаковку сливок на полку. Слишком дорогая покупка для вечера, когда снова придётся ужинать одной.

Уведомление пришло уже после кассы. Артём, ресторатор, с которым мы раньше пили утренний кофе. «Ляна, привет. Тимур обещал мне эксклюзив на твои рецепты пахлав и доступ к поставщикам, если я буду игнорировать твои предложения. Не обижайся, бизнес есть бизнес. Держись».

Я перечитала, не веря, что он написал это прямо. Возможно, считал себя порядочным: предупредил, посоветовал держаться, совесть можно не тревожить. На экране помещались и продажа моего труда, и забота обо мне.

Я уже набирала ответ. Что-то про кофе, который он пил со мной, пока ему было выгодно. Я стёрла несколько строк. Объяснять Артёму, почему его поступок мерзкий, — ещё одна работа, за которую никто не заплатит. Заблокировала номер. Захотелось позвонить маме и прочитать сообщение вслух, но её ответ я только что услышала.

Позже нашла другого юриста, не того, кто столько лет работал с Тимуром. Он попросил документы, а не посоветовал помириться. С ним я подготовила иск о спорной доле. Прежде чем подписать, прочитала всё сама и дважды переспросила то, что не поняла. Было неловко, будто отнимаю чужое время. Но после Ильи я больше не собиралась стыдиться вопросов.

Глава 3

На следующий день поехала смотреть кухню-студию на окраине. Двадцать квадратов, зато хорошая вентиляция. Я всю дорогу мысленно расставляла там столы; очень хотелось, чтобы хоть помещение оказалось таким, как обещали.

Владелец, мужчина с тяжёлой цепью на шее, взял документы. Посмотрел на фамилию, пролистал договор и вернул. — Извините. Ремонт. Закрыто. — Но вы говорили по телефону, что готовы показать сегодня. — Передумал. Плохое место для вашей... деятельности. С последним словом он уже закрывал дверь. Пришлось отступить, чтобы не прищемил сумку.

Через час Жанна выложила фотографию этой кухни. Я узнала и стол, и угол окна, которые рассматривала в объявлении. Подпись: «Мой будущий проект с Тимуром. Скоро открытие!» Я приблизила снимок, как будто могла найти на нём какую-нибудь ошибку. Тот же адрес. Они даже это успели раньше меня.

Я зашла в кафе напротив нашей бывшей чайной. Над входом в неё ещё висело «Ляна & Тимур». Буквы никто не снимал: моё имя приносило пользу даже тогда, когда саму меня уже выставили.

Через стекло были видны тарелки. Я узнавала десерты, знала, что внутри, как их собирают. Люди фотографировали, пробовали, передавали друг другу ложки. Взять бы одному из них и сказать, кто делал эту карту. Я так и осталась сидеть.

Катя заметила меня, вышла из чайной и перебежала улицу. Я учила её держать поднос, пока она не перестала бояться уронить чашки. Теперь Катя боялась смотреть на меня. На стол легла сложенная салфетка; она прикрыла её ладонью, приоткрыла край. «Он лжёт. Мы все знаем правду. Но нам нужна зарплата».

Я прочла два раза. Катя уже оглядывалась на окна чайной. Хотелось спросить: «А мне что нужно?» Но у неё тоже счета, работа, которую можно потерять за такую записку. Я сдвинула салфетку под чашку, чтобы не было видно написанного. Катя убрала руку. За эти дни впервые кто-то рискнул подойти ко мне.

Когда я вышла, солнце било прямо в лицо. Я шла, стараясь не разворачивать салфетку на ходу: почерк Кати почему-то было важнее сохранить, чем все сегодняшние сообщения.

Своей кухни нет. Денег на долгое ожидание тоже. Завтра опять придётся звонить людям, объяснять, предлагать; стоило представить всё это, и я уже устала. Если бы сейчас кто-нибудь спросил дорогу, я бы, наверное, расплакалась. Хорошо, что никто не спрашивал.

Телефон завибрировал в кармане. Я достала его без охоты: вдруг ещё один Артём решил сообщить, почему больше не сможет со мной дружить.

Номер был незнакомый. Вместо извинений — странное приглашение: «Ваша пахлава была слишком сладкой для Москвы, но идеальной для гор. Если хотите вернуться к истокам вкуса, а не к чужим слухам — завтра в 9 утра, адрес пришлю следом. Не опаздывайте. Я не жду дважды».

Я остановилась и кому-то помешала пройти. Перешла к краю тротуара, прочла сообщение ещё раз. Семь лет назад я пекла в горах; кто этот человек и почему решил написать именно сегодня? Номер мог получить через клиентов. Но пахлаву он, выходит, помнил.

Мне наконец предложили поговорить о том, что я умею. Не о том, как поссорилась с мужем. Пусть тон у незнакомца такой, словно он уже знает, что я соглашусь. Пока что соглашаться было не на что, кроме встречи.

Следом пришла ссылка. На карте оказался старый особняк в центре с пометкой «частная территория». Я проверила время, написала себе адрес. Если это очередная насмешка, узнаю завтра. А если нет — не хочу потерять шанс из-за того, что сегодня слишком устала.

Утром тот же номер прислал короткое сообщение: «Встреча переносится. „Золотая ложка“, к двенадцати. Приходите со своим десертом». Я проверила: конкурс настоящий, заявку ещё принимали. Кто бы меня ни позвал, уйти оттуда я собиралась с оценкой своего труда, а не очередной подачкой.

На «Золотую ложку» я пришла со своим десертом, но без человека, который обещал меня встретить. Прежде чем искать его в зале, решила зарегистрироваться.

Поднос оттягивал руки. Я поставила его у кулис, перехватила удобнее и на всякий случай проверила украшение: при перевозке мята чуть сместилась. Пока занималась тарелкой, было легче не замечать, как на меня смотрят.

Три дня назад Тимур ещё называл меня стажёркой при своих друзьях. Сегодня мой десерт могли попробовать люди, которые хотя бы умеют отличать хороший ганаш от плохого. Я ради этого пришла; приз пока даже представить было трудно.

Секретарь жюри взял документы, но записывать ничего не стал. — Ляна Озерова? Извините, конфликт интересов. Ваша фамилия фигурирует в иске к Валееву. Мы не можем допускать участников, связанных с текущими судебными спорами рестораторов. Это портит имидж конкурса.

Последнюю фразу он произнёс громче. Рядом стояли блогеры, и один сразу повернул телефон. В маленьком экранчике я успела увидеть себя — с подносом, у стола, как будто меня поймали на попытке украсть чужой десерт. Теперь историю отказа расскажут раньше, чем я уйду отсюда.

Забрала документы. Ужасно хотелось спросить, почему об этом не сказали, когда принимали заявку. Ещё сильнее — уйти, пока со мной не начали обращаться как с нарушительницей. Но дома я опять буду вспоминать этот стол и думать, что даже пробовать никто не захотел. Тарелку я приготовила не для того, чтобы привезти обратно.

— Тогда вне конкурса, — сказала я. — Вы уже внесли мой десерт в дегустационный лист. Пусть хотя бы попробуют. Секретарь поморщился, но придвинул бланк без номера участника.

Поставив тарелку перед ним, проверила карамельную сетку. Все ягоды на месте. Работа пережила дорогу, теперь ей бы пережить этих людей. Секретарь ждал, пока я отойду; я осталась рядом. Смотреть на свою тарелку мне никто ещё не запретил.

— Бедная девочка. Жаннин голос я узнала, не оборачиваясь. Потом всё-таки посмотрела. Две юные блогерши стояли по бокам от неё, как приглашённые слушательницы; на запястье Жанны был браслет, подаренный мне на годовщину. Она поправляла вырез платья именно этой рукой. — Даже нового платья не смогла купить. Говорят, ты теперь только торты для детей печёшь? Ну, ничего, Тимур обещал помочь тебе найти работу... уборщицей. Ему нравится быть добрым.

Моё чёрное платье-фартук было перешито из отцовской рубашки. Я носила его потому, что любила, а сейчас она заставляла меня смотреть на собственную одежду как на оправдание, которого у меня не хватает.

Блогерши захихикали. Я вернулась к тарелке, достала пинцет и поправила мяту. Пожалуй, листик уже стоял как надо, но мне требовалось что-нибудь делать руками. Иначе я повернулась бы к Жанне и сказала, сколько стоил её браслет и где он лежал до неё.

— Ты меня слышала? — спросила она. Я аккуратно уложила пинцет рядом с подносом. В кадр мне нужно было попасть с десертом, а не с открытым ртом. Жанна выждала, не получив ответа, и заговорила с одной из своих спутниц. Там её слушали охотно.

Пока она говорила, я вспомнила Тимурово «детский сад» над моим первым суфле. Семь лет прошло, а я всё ещё могла услышать, как он это произносил. Стоило кому-нибудь усомниться во мне, он уже был рядом — даже если стоял в другом конце зала.

Я наклонилась к десерту. Кардамон. Дедов вкус, который я столько раз слышала от Тимура как упрёк: провинциально. Если убрать его ради одобрения, от моего десерта останется чужое приличное изделие. Вот это я точно делать не собиралась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.